

Юбилей

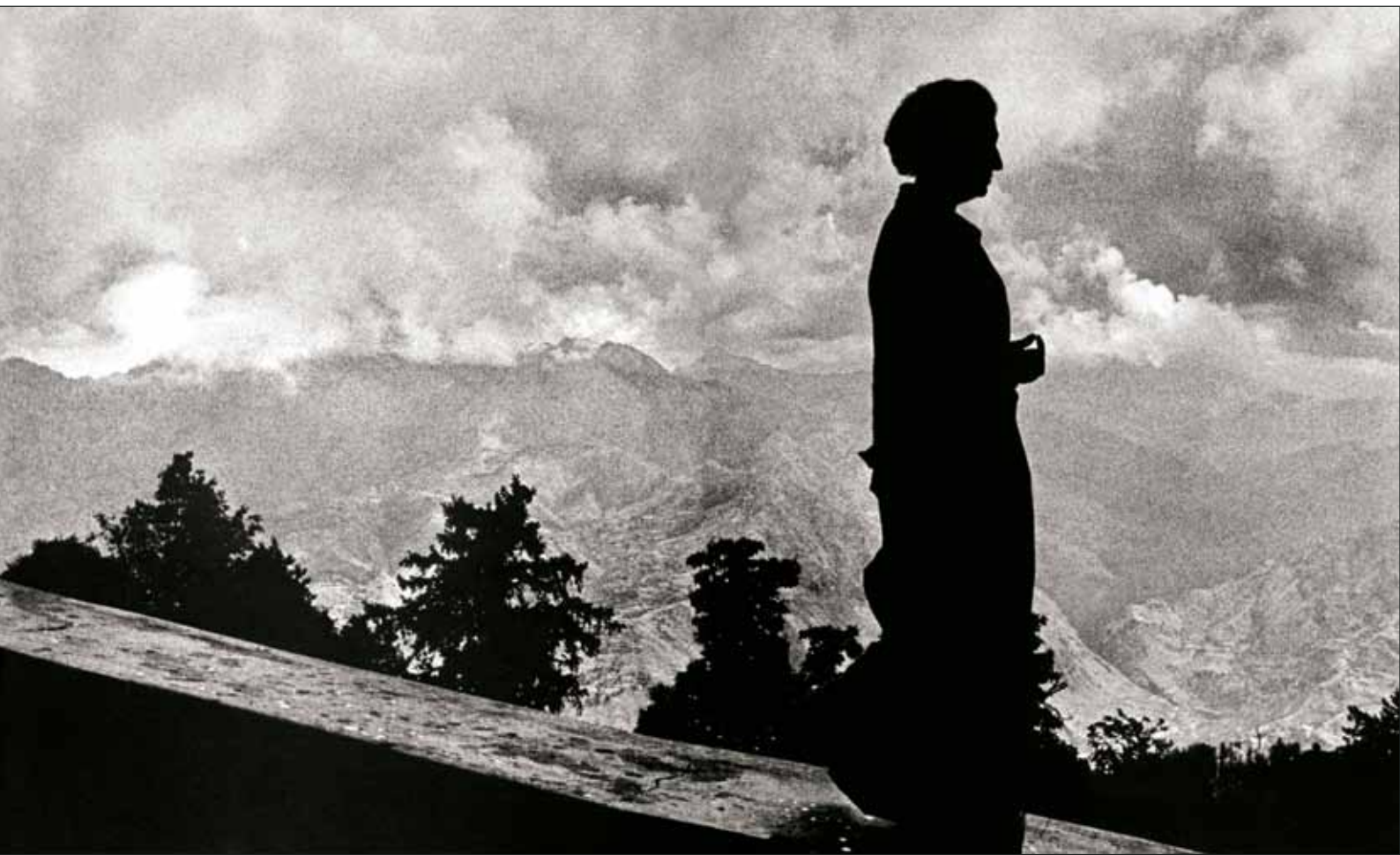
Индира Ганди — круг одиночества

К 90-летию со дня рождения

На фоне горных вершин и неба в клубящихся тучах – черный силуэт, контражуром снятая женская фигура: короткие волосы, длинное одеяние, хрупкая кисть с разомкнутыми пальцами... Индиру легко узнать по силуэту, но рассмотреть нельзя ничего, и это делает фотографию выразительной и символической.

Книгами о семье и об эпохе Неру-Ганди можно заполнить целую библиотеку; жизнь и деятельность самой Индиры описана, задокументирована и проанализирована вдоль и поперек на сотню разных ладов, но женщина по имени Индира Приядаршани, Инду для своих, так и осталась в глубокой тени.

Индира Ганди (1917–1984) была фигурой эмблематической. Эмблемы переходили одна в другую – дочь Неру, лидера борьбы за национальную независимость, ближайшая сподвижница первого премьер-министра независимой Индии, сама премьер-министр Индии, одна из первых женщин, получивших статус мирового лидера и огромный международный авторитет, – эмблемы всегда закрывали ее сущность, чему она отнюдь не противилась. Эмблемы ограждали ее внутренний мир. И усиливали одиночество.

Индира Ганди в Гималаях. Симла, 1972

Она родилась под знаком Скорпиона. Отличительными чертами таких людей бывают закрытость, самодостаточность, преданность избранному ими делу и большая жизненная сила. Была ли она замкнутой и интровертной от природы или вынужденная публичность ее жизни развила в ней нежелание, а может быть, и неспособность открыться?

Судить о ее внутреннем мире можно по очень немногим и очень сдержанным высказываниям самой Индиры, по воспоминаниям тех, перед кем она изредка раскрывалась, – а больше ничего и нет. Однажды, в редкую для нее минуту откровенности, Индира сказала своей старой приятельнице Пупуль Джаякар: «Я одна, когда мне хочется быть одной, – неважно, есть вокруг люди или нет. Если не хочу быть одна – не бываю, окружена ли я людьми или нет».

Индира писала много писем самым разным людям. И еще она писала записочки – отцу, детям, близким. Кажется, будто она, с детства приучившая себя скрывать эмоции, чтобы никого ими не обременять, опасавшаяся наспех сказанного слова, которое могло быть неправильно понято, предпочитала переносить чувства и мыс-

ли на бумагу... Ей легче давалось общение при помощи этих записочек. Например, записочка сыну Радживу: «Ты упустил чудный кадр – сегодня утром два попугайчика долго позировали мне с дерева. Еще там была парочка замечательных дятлов, но эти быстро улетели» или записка жене сына: «Милая Соня, просто хочу послать тебе привет и напомнить, что мы все тебя любим». Пупуль Джаякар: «Пупуль, ты вчера обронила фразу о том, что мне необходимо преодолеть тоску. Преодолеть можно ненависть, зависть, жадность – эмоции негативные и разрушающие человека. Тоска – это другое. Ее не преодолеть. С ней надо научиться жить, впитать ее в себя и сделать частью жизни. И.Г.».

Семья

Семья Неру родом из Кашмира. Собственно, родовое имя семьи – Кауль. Индийцу оно сразу скажет, что носящий его принадлежит к высшей касте, к брахминам. Более того, к брахминам кашмирским, одной из самых аристократических подкаст, – в знак признания высокой учености их принято титуловать пандитами.

С кашмирских гор на равнины семья спустилась в 1716 году, когда Радж Кауль был призван в Дели ко двору Великих Моголов. Ему был дарован дом и земли по берегу канала – *нехра* на хиндустани. В Дели обитателей поместья стали называть Каули-неру – Каули, что у канала; а с течением времени они превратились просто в Неру.

Мотилал Неру, отец Джавахарлала Неру, получил юридическое образование. В молодости был беден, но показал себя блестящим адвокатом и разбогател. Поселившись в Аллахабаде, выстроил великолепный дом, который назвал Ананд Бхаван – Обитель радости. Здесь протекала жизнь в европейском стиле, характерном для викторианской эпохи. Зато на женской половине скрупулезно соблюдались индусские обычаи и обряды. 14 ноября 1889 года у Мотилала и его молодой жены Сварупрани родился сын, которому дали имя Джавахарлал. Мальчик должен был пойти по стопам отца: унаследовать его практику, систему взглядов и образ жизни.

Пятнадцатилетнего Джавахарлала определили в Хэрроу – школу, которая воспитала четырех премьер-министров Великобритании: Питта, Палмерстона, Болдуина и Уинстона Черчилля. Спустя десятилетия приглашение посетить эти старые стены примет еще один ее воспитанник, премьер-министр Индии Джавахарлал Неру, – ему уроки Хэрроу пригодились для разрушения Британской империи, которую строили те, английские ее выпускники. Высшее образование он получит в Кембридже.

В 1912 году Джавахарлал Неру возвращается в Индию. Он приступает к работе в адвокатской конторе отца, принимает участие в Банкимпурской сессии Национального конгресса (его он воспринимает как пародию на джентльменский клуб и затевает пылкие споры с отцом по этому поводу), и его женят на Камале Кауль, имя которой свидетельствует о ее правильной – брахминской – кастовой принадлежности. Своего первенца Камала хотела рожать в родительском доме, но Мотилал и слышать об этом не желал – первый внук должен появиться на свет только в Ананд Бхаване. В том, что родится внук, семья не сомневается – как в старом анекдоте: не мальчик? тогда кто?

Девочка родилась 19 ноября 1917 года. Ее появление на свет вызвало всеобщее разочарование – семья ждала мальчика, жаждала мальчика... Глава

семьи, Мотилал Неру, мгновенно взял ситуацию под контроль, громогласно возгласив: моя внучка сотню внуков за пояс заткнет! Сегодня в Индии каждый школьник слышал о предсказании деда Индиры и знает, что оно сбылось. Но в те времена никому и в голову не могло прийти, каким образом оно сбудется.

Девочке дали имя Индира Приядаршани – Индира Приятная Глазу, Миловидная. Впрочем, Приядаршани-Миловидной она осталась только в официальных документах: близкие звали ее Инду, для других она была Индира Неру. Мир узнал ее как Индиру Ганди.

Вспоминая о порядках в Ананд Бхаване времен своего детства, Индира рассказывала: «Сварупрани была подлинным матриархом – эта миниатюрная женщина отличалась на редкость властным характером. Она железной рукой управляла всем, что происходило на женской половине: распорядилась индийской кухней и закупками, хранила у себя под ключом дорогие наряды и украшения – их выдавали дочерям и невестке

Джавахарлал и Камала Неру с дочерью Индирой

по торжественным случаям, после чего все полагалось немедленно возвратить Сварупрани».

Инду исполнится три года, когда в декабре 1920-го Национальный конгресс инициирует движение несотрудничества с британскими властями. Махатма Ганди призывает сжигать импортный текстиль и возвратиться к ручной крестьянской прялке *чаркхи*, отказываться от работы в государственных учреждениях и от учебы в государственных учебных заведениях, бойкотировать колониальное судопроизводство, пока Индии не будет предоставлено самоуправление.

В Ананд Бхаване запылали костры, громадная веранда была завалена заграничной одеждой и дорогими безделушками, предназначенными для сожжения. Элегантные сестры Неру переоделись в домотканую дерюгу, Мотилалу Неру пришлось расставаться и с адвокатской практикой, и с привычным стилем жизни, что далось ему совсем нелегко. Джавахарлал долго не мог отказаться от дорогих английских сигарет, а на укоры Ганди отвечал, что сжигает английский импорт.

Испытание выпало и на долю маленькой Инду. Она подробно описала свою детскую трагедию в книге «Моя истина»: «То была первая встреча с долгом и совестью, – пишет Индира. – К маме пришла родственница. Она привезла мне из Парижа красивое вышитое платьице, но мама возвратила подарок, пояснив, что у нас теперь носят *кхади*, домоткань. Гостья с ужасом посмотрела на мамино сари – грубая домоткань чуть не до крови натерла ей кожу, – и возмутилась:

– По-моему, вы все тут с ума посходили, но ребенка зачем же мучить?!

– Поди сюда, Инду, – позвала мама. – Тетя купила тебе заграничное платьице, очень красивое, и если оно тебе нравится, можешь носить. Но сначала подумай о том большом костре, на котором мы сожгли заграничные вещи. Тебе хочется ходить в нарядном платьице, когда мы все носим домотканые?

Соблазн был велик – у меня глаза разгорелись на платьице, я было потянулась к нему, и тут услышала собственный голос:

– Не буду я это носить!

– Но почему? – поддразнивала родственница. – Разве тебе не нравятся красивые вещи?

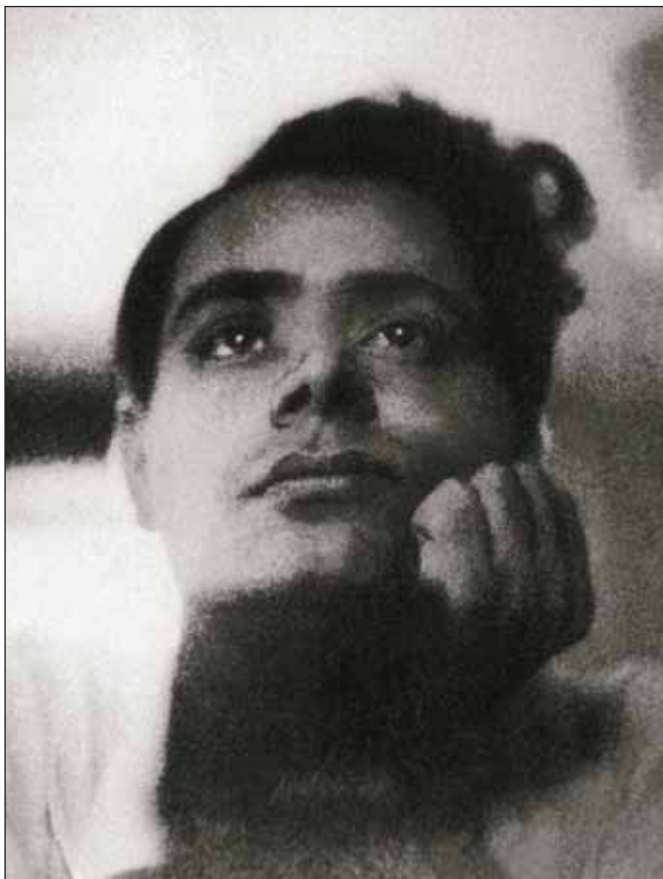
Я в ответ выложила ей все, чего наслушалась от взрослых.

– Ну хорошо, мисс Святоша, – сказала она, – а как насчет твоей заграничной куклы? – Сказала, не подумавши, просто так.

Куклу я обожала. Она была для меня живая, кукла была моей подружкой, моим ребенком.

Я долго мучилась – во мне шла борьба между любовью к кукле и тем, что я считала своим долгом перед родиной. Я плохо ела, не спала по ночам и дошла до изнеможения.

Мама решила, что я больна, – на самом деле так и было. Наконец я приняла решение. Меня всю трясло, но я унесла куклу на верхнюю веранду и подожгла ее. Потом несколько дней проле-

Фероз Ганди

жала с высокой температурой. А зажигать спички я и сейчас терпеть не могу».

Отец и сын Неру все чаще оказывались за решеткой, а в дом все чаще наведывались полиция и судебные исполнители: конгресс принял решение не выплачивать штрафы колониальным властям, поэтому в уплату штрафов конфисковали имущество. «Полиция являлась к нам чуть не ежедневно, описывая и увозя нашу мебель, – пишет Неру в «Автобиографии». – Индиру, мою четырехлетнюю дочь, страшно возмущал процесс разорения дома, и она выражала полиции решительное неудовольствие...»

Детское воспоминание – рассказанное много лет спустя – показывает, как вырабатывался в ребенке поистине стоический характер. Инду разрешали ужинать с родителями, но потом она должна была сама идти спать через длинную темную веранду, а потом еще подниматься по

неосвященной лестнице. Она панически боялась темноты, но никогда не просила проводить ее до спальни. Взрослая Индира так же стоически – и молча – будет переносить страшные удары судьбы: и смерть близких, и предательство тех, кто декларировал дружбу с ней. Предательство, скажет она после провала на выборах 1977 года, страшней всего.

Индира Неру

В конце 1925 года Камала родила недоношенного сына – он умер на вторые сутки. Здоровье Камалы сильно пошатнулось, врачи диагностировали туберкулез и настойчиво советовали увезти больную в Европу – горный воздух в одном из санаториев Швейцарии может ей помочь. Мотилал и Джавахарлал не медлили – в марте 1926 года Джавахарлал, Камала и девятилетняя Индира отплывают из Бомбея в Европу и поселяются в Женеве.

На фотографии тех лет – неловкая длинноногая девочка с белым бантом в волосах, подстриженных по европейской моде. Фотограф поставил ее в кокетливую позу, которая противоречит тяжелому взгляду больших черных глаз. Она учится в швейцарской школе, где ее хвалят за успехи, но держится дичком, с одноклассниками не сближается – Индира взрослее своих ровесниц, и она уже выбрала путь в жизни – ее любимыми геро-

ями давно стали Жанна д'Арк и Гарибальди, про которых она читала в библиотеке Ананд Бхавана.

«Мои университеты» – так могла бы назвать Индира годы своего взросления в общении с самыми выдающимися людьми Индии, первое место среди которых занимал Махатма Ганди. Но формального образования Индире так и не удалось получить. Кочуя по европейским столицам, ей придется переходить из школы в школу; около двух лет она проучится в тагоровском Шантиникетане, потом в английском Сомервилль-колледже, примется за курс современной истории в Оксфорде, но вернется на родину, не окончив его...

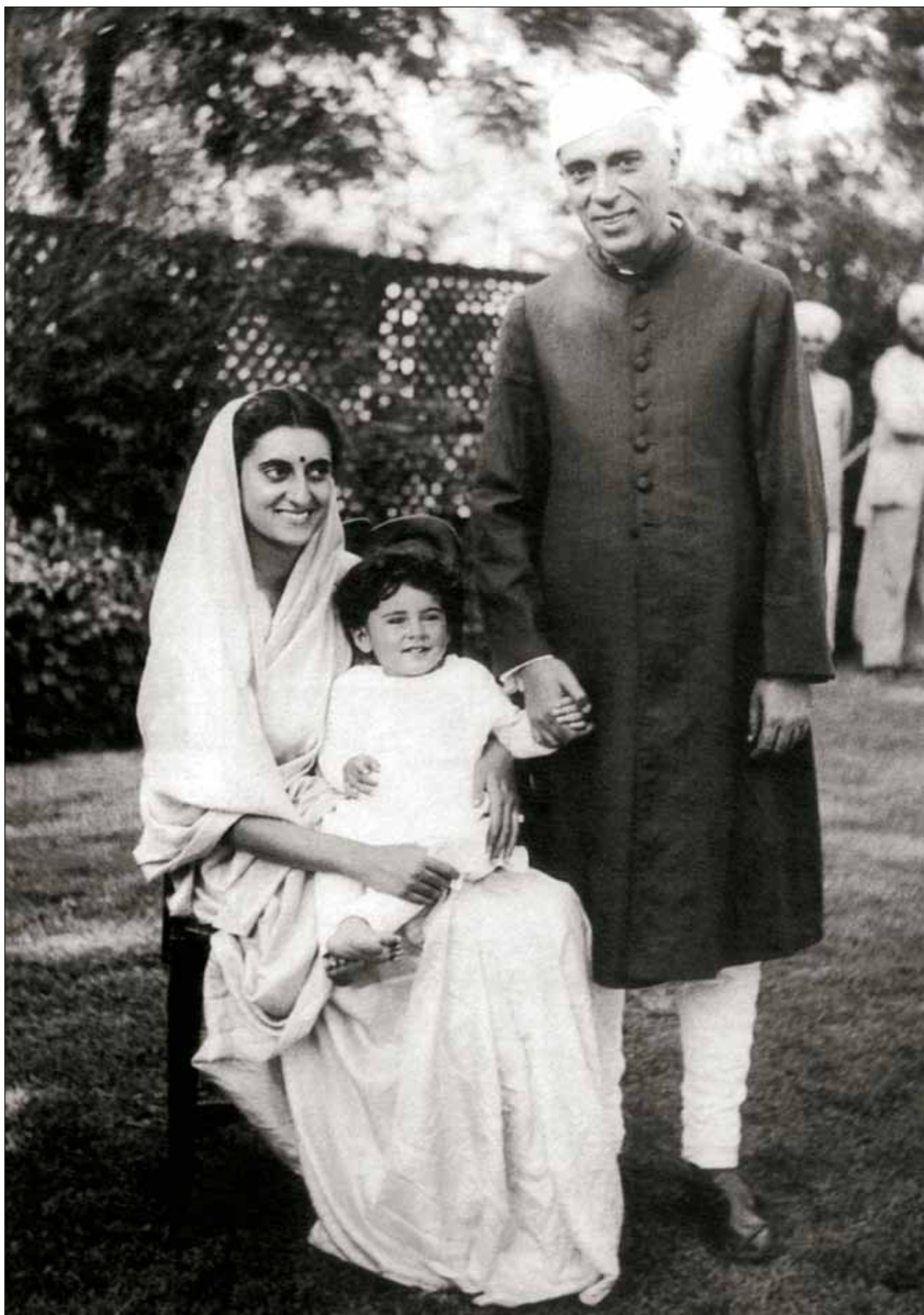
Ее однокашницей по Сомервилль-колледжу была Айрис Мердок – одна из лучших английских писательниц. Впоследствии Айрис Мердок нарисовала такой портрет юной Индиры: «Она была очень хороша собой, хоть и выглядела такой хрупкой, будто ее ветром может унести. Вела себя весьма сдержанно, почти надменно. Мы все видели, что она рвется на родину, а нас едва замечает...»

Индира и Фероз

Фероз Ганди сделал предложение Индире прямо как в кино: в прелестный весенний день на ступеньках Монмартра. Индира ответила согласием, но позже в тот же день записала: «Фероз не нравится мне, но я его люблю». А Фероз по возвращении из Парижа в Лондон, где он учился, задумчиво сказал приятелю: «Вопрос в том, что будет в Индии – станет она Индирой Ганди или останется Индирой Неру».

С семейством Неру Фероз познакомился при драматических обстоятельствах – во время разгона демонстрации спас Камалу, буквально вытащив ее из-под копыт полицейских коней. Узнал, где она живет, и отвез на тонге домой. С Индирой знакомство началось с того, что Фероз угостил ее полурастаявшими леденцами, которые извлек из кармана. Правда, уже года через два он сделает ей первое предложение. Индира ему откажет, а сам Неру довольно сердито заметит, что в их семье подростков замуж не выдают.

Фероз был родом из бомбейских парсов – потомков огнепоклонников-зороастрийцев, в X веке бежавших из Ирана от мусульманских гонений и нашедших пристанище в Индии. То есть он не индус, иноверец, а «Ганди» в его имени указывает только на то, что его предки тоже занимались бакалейной торговлей, как и предки другого Ганди. Среди уймы людей, постоянно бывавших в доме

Джавахарлал Неру с дочерью и внуком Радживом

Неру, Фероз поначалу выделялся только своим благоговейным отношением к Камале – оно даже стало предметом домашних шуток. Сблизился он с семьей только после кончины Мотилала в 1931 году – тот так и не оправился от тяжелой болезни, которой заболел в тюрьме.

Больна была и Камала. Врачи заговаривали об операции на легком, советовали делать операцию в Германии, но Неру опять в тюрьме – это его седьмое тюремное заключение, и условия содержания куда хуже, чем во все прошлые ходки. По году получили и его сестры, Виджаялакшми и Кришна, а Сварупрани, сильно пострадавшая во время демонстрации, теперь едва передвигается. Семнадцатилетняя Индира остается за старшую в семье. Она-то и увезла мать за границу, когда друзья помогли собрать необходимые средства. Но с операцией уже запоздали, врачи сообщают Неру о тяжелом состоянии жены. Его выпускают на свободу с условием не делать политических заявлений до отъезда и досидеть срок, если он вернется в Индию до его истечения.

В начале 1936 года Неру перевез жену по ее просьбе в клинику близ Лозанны. 28 февраля 1936 года Камала умерла. В день ее кончины была отправлена в печать «Автобиография», написанная Неру в заключении. Он успел добавить к рукописи посвящение: «Камале, которой больше нет». Эпитафия Индиры на жизнь матери: «Я видела, как она страдала, и дала себе слово, что ни один мужчина не заставит так страдать меня». Это страдание Камала пронесла через всю жизнь – прохладно принятая Неру в качестве девочки-жены, она сумела стать для него другом и сподвижницей, но душой они так и остались вдалеке друг от друга. Это страдание было обоюдным, и прощальные слова Индиры, сказанные ею вслед ушедшей матери, значили одно: она с детства понимала, какой тяжкий груз лежал на сердце любимых и любящих ее родителей.

Когда-то на вопрос о том, какие жизненные планы она строила в ранней юности, Индира ответила: «Какие там планы... мы же не надеялись дожить до освобождения Индии. Я тогда приняла решение не выходить замуж и действительно не помышляла о замужестве. Мы жили минутой, даже завтрашний день был слишком ненадежен». Но то было раньше, до смерти матери и мучительного одиночества в Европе, где отец оставил ее для продолжения учебы, а Фероз убедил согласиться с его настойчивым требованием.

Индира всегда хорошо относилась к Ферозу, теперь же он олицетворял собой все, что ей было так дорого: Индию, Аллахабад, дух Ананд Бхавана, впрочем, уже давно переставшего служить родовым гнездом клана Неру. После смерти Мо-

Индира с сыном Радживом. Дели, 1946

тилала дом перешел в собственность Национального конгресса и теперь носил название Сварадж Бхаван – Обитель независимости.

Мать Камалы, которая всегда считалась бескомпромиссной блюстительницей традиций, когда Индира сообщила ей, что собирается замуж за иноверца Фероза, благословила внучку. Слова бабушки потрясли Индиру: «Счастье, что ты родилась в такие времена, когда можешь поступать как пожелаешь!» Индира и Фероз сочетались браком 26 марта 1942 года. Свадьба – скромная, гостей человек двадцать. Фероз в простой белой куртке, на голове гандистская шапочка, Индира в бледно-розовом сари из *кхад*, нитки для которой напярл в тюрьме ее отец. Джавахарлал не в восторге от выбора Индиры, но браку дочери не препятствует.

Зато что в Индии творится! Еще за месяц до назначенного дня свадьбы в прессе разражается неистовый скандал: национальный лидер позорит всех индусов! Он готов выдать единственную дочь за иноверца! Кашмирская брахминка не может быть женой какого-то огнепоклонника!

Скандал должен был стать первым сигналом тревоги для Индиры, предупреждением, что отныне она и ее близкие навсегда лишены права на частную жизнь, свободную от посягательств

Дж. Неру, С.Н. Рерих, Индира Ганди, Н.К. Рерих, Е.И. Рерих (на втором плане). Кулу, 1942

любопытствующих масс, от вмешательства общественного мнения в интимные дела семьи, – отныне она и ее близкие рассматриваются как национальная собственность со всеми вытекающими отсюда последствиями. Неру, которого всего меньше волнует огнепоклонничество Фероза – кстати, человека не очень религиозного, – вынужден делать публичные заявления: «Брак – дело личное и семейное, касающееся главным образом вступающих в брак и лишь отчасти – их семей. Я всегда считал, что, хотя родители могут и должны давать советы в столь важном деле, окончательное решение принимают не они. Убедившись, что Индира и Фероз желают вступить в брак, я охотно согласился и благословил их решение. Махатма Ганди, мнение которого ценно для меня не только в общественных делах, но и в семейных вопросах, тоже благословляет этот брак».

Ответом стал град оскорбительных писем в адрес Махатмы. Ганди откликнулся на них открытым письмом: «Единственное преступление

Фероза в глазах этих людей заключается в том, что он парс. С течением времени число таких союзов будет возрастать на благо общества. Пока же мы еще не достигли даже стадии взаимной терпимости. <...> Я призываю авторов ругательных писем отринуть гнев и благословить предстоящий союз».

Известие о рождении внука Неру получил в тюрьме, а увидел его впервые на пересылке – Индира с Ферозом сумели пробраться на железнодорожную станцию и подняли младенца повыше, к свету фонаря, чтобы дед разглядел его.

Индира долго выбирала имя первенцу и остановилась на синонимах имен родителей: малыша назвали Раджив Ратна – «раджив», как и «камал», значит «лотос», а «ратна» – это драгоценность, как и «джавахар». Имя матери Индира поставила на первое место. Потом на свет появился второй сын, и его как-то сразу назвали Санджей – «победа», тем более что и родился он в 1946 году, накануне провозглашения независимости Индии. Мате-

ринством Индира была упоена, она сама растила сыновей, не доверяя их ни нянькам, ни прислуге...

Любимой цитатой Индиры в те времена была тагоровская строка: ребенок появляется на свет как послание Бога о том, что Он еще не разуверился в человеке. Вспоминая те годы в Лакнау, она напишет в «Моей истине»: «Политическая борьба сделала мое детство аномальным, я постоянно чувствовала себя одинокой и незащищенной. Именно поэтому я так хотела посвятить все мое время детям. Потребность ребенка в материнской любви и заботе так же остра и фундаментальна, как потребность растения в солнечных лучах и воде. <...> Вот почему моей главной проблемой сделалось примирение моих общественных обязанностей с ответственностью перед домом и детьми. <...> Когда они пошли в школу, я старалась освободиться от дел к их возвращению домой. Однажды, когда Санджей был еще совсем маленький, к нам пришел его приятель по детскому саду со своей мамой. Мамаша, дама светская и состоятельная, высказалась насчет того, что моя загруженность работой едва ли позволяет мне уделять достаточно времени сыновьям. Я и рта не успела раскрыть, как обиженный Санджей бросился на мою защиту и закричал: “Мама занята очень-очень важными делами, а все равно играет со мной больше, чем вы с вашим сыном!”»

Фероз оказался прекрасным отцом, но совсем не на тот лад, что Мотилал или Джавахарлал. Он был для сыновей не строгим наставником, а скорее товарищем и неперменным участником их игр и затей. Фероз мастерил им игрушки, старался обучить детей всему, что сам умел. Раджив и Санджей относились к отцу просто с обожанием, и у Индиры были все основания считать, что семейная жизнь удалась.

В 1947 году Индия обрела свободу. Но уже назревало одно из самых страшных событий в ее истории: кровавый раздел страны и создание Пакистана – отдельного государства индийских мусульман. Индира записывает: «Одна из самых гордых и волнующих минут моей жизни, кульминация всего, ради чего столько людей шло на жертвы. Вот она, наконец, наступила, но ей трудно радоваться...»

Однако Индия – свободная страна и Джавахарлал Неру – ее первый премьер-министр со всеми официальными атрибутами власти. Премьер-министру нового государства нужно было срочно перестроить свой образ жизни, и помочь в этом не мог ему никто, кроме Индиры. Вначале предполагалось, что она просто приведет в порядок резиденцию премьера, – кто мог знать, что просьба отца станет началом конца ее семейной жизни.

Неру должен был поселиться в бывшей резиденции верховного главнокомандующего британ-

Махатма Ганди и Индира Ганди

Индира Ганди, лидер Индийского национального конгресса, избрана в парламент

скими войсками в Индии, получившей теперь название Тин Мурти. Переступив порог Тин Мурти, Индира оторопела: «Со стен парадных залов на меня сверху вниз смотрели глаза суровых генералов в ослепительных мундирах, увешанных медалями. Мне чудилось, будто они следят за каждым моим движением, осуждая мои невысказанные мысли. Я поняла, что портреты нужно немедленно снять и срочно отослать в Министерство обороны. Но освобожденные от безжизненных портретов залы сразу сделались огромными, их голые стены простирались в бесконечность. Громадные залы, длинные коридоры – разве можно их обжить, придать им хоть некоторое подобие дома?» Конечно, дело не могло ограничиться переоборудованием Тин Мурти. «Я приезжала в Дели на короткий срок, потом возвращалась в Лакнау, но с каждым разом мне становилось все труднее уезжать. Я возвращалась к мужу и тут же обязательно получала телеграмму от отца: “Вернись, ожидается важный визит”».

Индира не обладала элегантной светскостью отца, делавшей его своим в высших кругах бри-

танского общества. Спартанская жизнь, отнюдь не девичья юность, молодость в нарядах из домоткани никак не подготовили ее к роли хозяйки на дипломатических приемах. Индире пришлось многому учиться, от умения одеваться – это потом будут говорить, что она обладает *джамазеби* – даром красить собой одежду, – до овладения ораторским искусством. У Индиры был довольно высокий голос, которого она стеснялась, особенно после того как однажды в Лондоне, где она выступала на митинге, ей крикнули: «Перестань пищать!» В 1983 году, отвечая на вопрос немецкого журналиста, каким талантом она хотела бы обладать, премьер-министр Индии сказала: красивым голосом. Так что годы в Тин Мурти были для Индиры временем преодоления себя. А тут еще чисто индийская специфика: «Самые простые вещи в Индии обрастают сложностями. Скажем, меню официального обеда – известно, что индусы не едят говядину, а мусульмане не едят свинину. Но помимо этого существуют бесчисленные вариации на тему запретной пищи: иные мясоеды в определенные дни недели становятся вегетарианцами; есть вегетарианцы, который едят яйца, есть такие, которые и рыбу едят, а один высокий гость, объявивший себя вегетарианцем, как выяснилось, ел все, кроме курятины!

В Дели проходила буддистская конференция, делегаты которой – в том числе далай-лама и другие высокие иерархи – были приглашены на ланч к премьер-министру. Все было замечательно, но в самую последнюю минуту вспомнили, что буддистские монахи не приемлют пищу после полудня! Кончилось тем, что пришлось устроить один ланч на семьдесят пять персон в одиннадцать тридцать, а другой, на сто персон, – в час тридцать.

Я надолго запомнила тот день. И извлекла из него уроки».

Уроки она извлекала из всего. Всю жизнь.

Скоро Индира с детьми стала чуть ли не поровну делить время между Лакнау и Дели. Отец, который, по словам Индиры, был ей «товарищем, наставником, коллегой», нуждался в духовной и интеллектуальной близости с дочерью. И ей недоставало общения с отцом и привычной атмосферы большой политики. Разрываться между Тин Мурти и собственной семьей становилось все тяжелее. Кочевой образ жизни не мог продолжаться до бесконечности – он изматывал Индиру и выбивал из колеи детей, которым, кстати, нравилось жить рядом с дедом, хотя там они скучали по отцу.

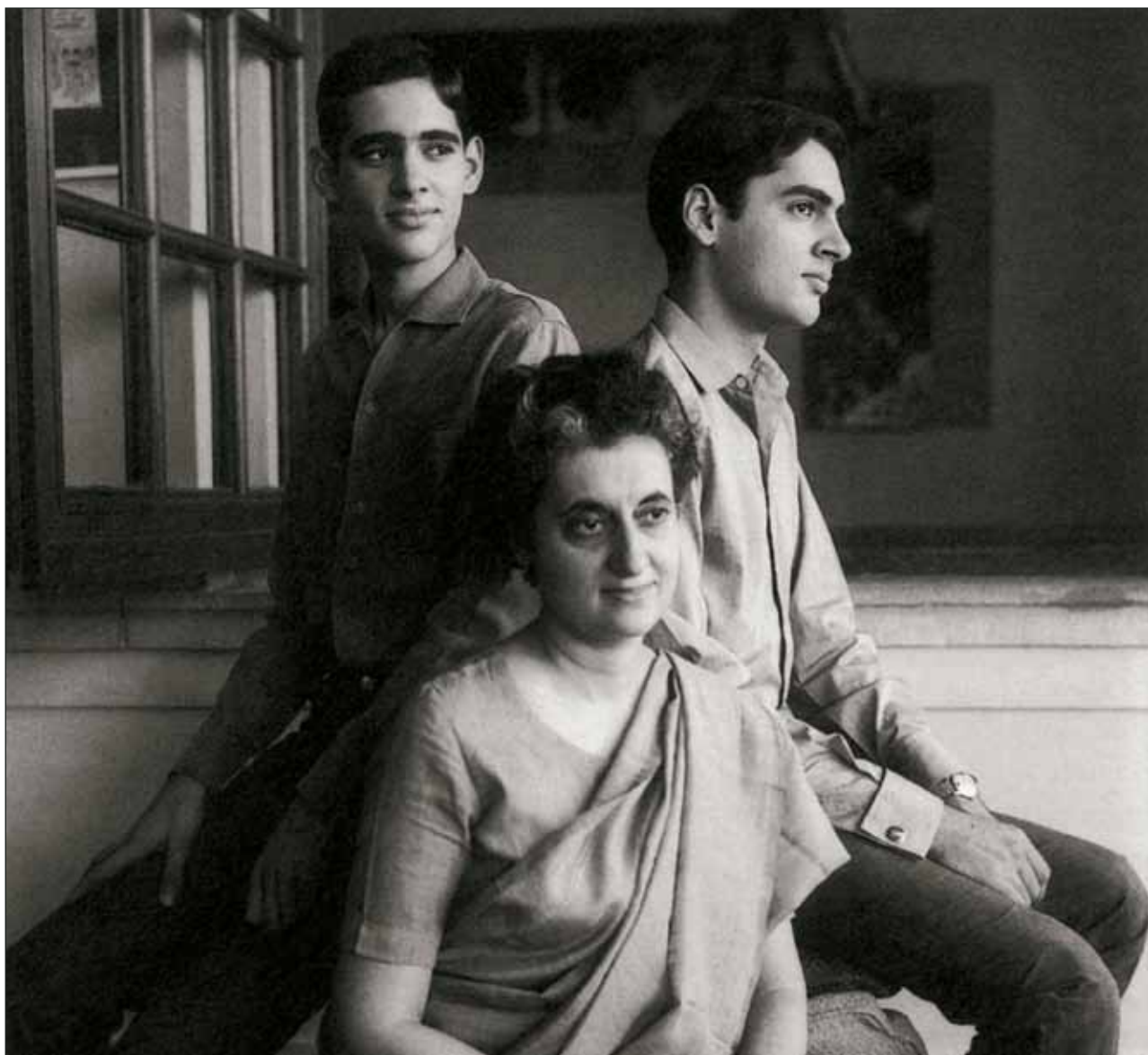
30 января 1948 года был убит Махатма Ганди, и Индира окончательно потеряла покой. Наступил день, когда она объявила Ферозу, что ее долг –

быть рядом с отцом. Фероза решение жены болезненно задело, но не удивило – он уже знал ответ на вопрос, который задавал себе до женитьбы. Жена осталась Индирой Неру, хоть и носила его фамилию. Более того, Фероз не сомневался, что если бы не дети, Индира еще раньше приняла бы это решение, и внутренне был к нему готов. Он решил баллотироваться в парламент, прошел на выборах и мог бы с успехом занять собственное место в политике, если бы не был женат на Индире...

Кто-то из злоязыких журналистов окрестил его «зять народа». Ярлык прилип к Ферозу быстро и прочно. Вначале Фероз пытался отшучиваться, но со временем положение зятя Неру стало раздражать его. Как бы независимо, принципиально и скрупулезно честно он ни вел себя по отношению к действиям правительства, Фероз Ганди все равно оставался «зятем» в глазах общественности. Когда ему в качестве члена парла-

мента пришлось переехать в Дели, то жить в Тин Мурти с женой, детьми и тестем он отказался наотрез. По сути, это означало конец их с Индирой семейной жизни.

В 1959 году Фероз перенес тяжелый сердечный приступ, и Индира панически испугалась за него. Поглощенная заботами об отце и собственной политической работой, она думать не могла, что беда подстережет ее с этой стороны. Болезнь Фероза заставила Индиру новыми глазами посмотреть на свою семейную жизнь. Когда он поправился, они уехали с детьми на месяц в Кашмир, откуда возвратились счастливой семьей. Кто знает, как сложилась бы дальше их жизнь, но уже в сентябре 1960 года Фероз снова попал в больницу. Индира примчалась из Кералы, куда ездила по делам Национального конгресса, президентом которого была к тому времени избрана. Она до утра просидела у постели Фероза. На рассвете он умер.

С сыновьями Радживом и Санджеем. 18 января 1966

«Не знаю, что написать. Я чувствую полную опустошенность и отчаяние, – писала Индира Мухаммаду Юнусу, старому другу семьи, – вы лучше всех знаете, как мы с Ферозом годами не сходились во мнениях, ссорились, но все это не только не разделяло нас и не ослабляло узы нашей дружбы, но, напротив, укрепляло их. В последнее время мы особенно сблизились. Мы провели замечательный месяц в Сринагаре, у нас были такие планы на будущее. Дети сейчас в том возрасте, когда больше нуждаются в отце, чем в матери. Я чувствую себя потерянной, опустошенной и мертвой, но надо жить дальше».

Видимо, семейная напряженность была столь тяжелой для Индиры, что она делилась мыслями и сомнениями с американкой Дороти Норман,

давнишней приятельницей Джавахарлала, с которой сдружилась. За пять лет до смерти Фероза Индира писала ей: «Как мне жалко, что я упустила самое прекрасное в жизни: полное и совершенное слияние с другим человеком. <...> Мне кажется, что только в этом полностью развивается и расцветает душа». После смерти Индиры Дороти Норман опубликовала письма, но далеко не все – отнеслась к публикации с предельной и трогательной деликатностью.

Соня Ганди – еще одна из тех немногих, кому Индира научилась раскрывать душу, написала уже после гибели Индиры и гибели Раджива: «Семейная жизнь свекрови сложилась очень непросто. Тем не менее она откровенно признавалась мне, что Фероз был единственным мужчиной,

Индира Ганди обходит строй почетного караула в Ред Форте. Конец 1960-х гг.

кого она любила. Она говорила о нем часто и с нежностью. Разбирая бумаги после ее смерти, я нашла среди них набросок письма: “Я пишу тебе, Соня, потому что чувствую твой интерес к семье, и еще потому, что узнаю в тебе многое от меня самой, как узнаю я многое от моего мужа в Радживе, который муж тебе”».

«Иди один»

Эту строку из широко известного стихотворения Тагора Индира цитировала часто.

В 1964 году умер Неру. Закончилась эпоха. Те, кто вершил эпоху, уходят один за другим, кто в историю, кто в забвение. Им на смену приходит новая политическая генерация, и чем дальше, тем

Индира Ганди. 1970-е гг.

больше политика становится кому профессией, кому бизнесом, но теперь из служения она превращается в службу.

В 1966 году Индира Ганди становится премьер-министром Индии. Смерть отца замкнула Индиру в круг одиночества, а теперь на долгие годы ее уделом будет одиночество на вершине власти. Нет ни матери, ни отца, нет и Фероза, есть только сыновья.

Детские годы Раджива и Санджея разительно отличаются от детства Индиры – они растут в Тин Мурти, в резиденции премьер-министра, они «государственные внуки».

После окончания школы Раджив поступает в Кембридж – Неру хотел, чтобы хоть один из внуков учился в его *alma mater*. Если кто-то интересуется, не родственник ли он того самого, прославленного Ганди, Раджив честно отвечает: нет, просто однофамилец, не уточняя при этом, что он из семьи Неру и его дед – премьер-министр Индии. В Кембридже он знакомится со студенткой из Италии Соней Маино, которая потом станет Соней Ганди.

Санджей отказывается от университетского образования и идет стажироваться на завод Роллс-Ройса – желает узнать, как делаются автомобили.

Политикой не интересуется ни один, ни другой – единственное, чем похожи братья. Они очень разные. Сдержанность и фамильная замкнутость

тость Раджива контрастирует с импульсивностью и амбициозностью Санджея. Между ними существует и классическое стремление младшего перещеголять старшего, подражая ему. Решение Раджива стать летчиком поначалу несколько обескуражило Индиру, однако она не пыталась разубедить сына; потом летать начал и Санджей – кто знает, действительно ли потому, что пережить не мог, что старший поднялся в небо.

Братья женились на женщинах, столь же непохожих друг на друга, как они сами. Индира заочно отнеслась к Соне не слишком одобрительно, написала сыну, что предпочла бы видеть в доме индийскую невестку, так, может быть, Раджив повременит, проверит свои чувства? Но при знакомстве Соня сразу покорила ее сердце, а войдя в дом, сделалась в нем самым близким Индире человеком.

Индира Ганди. Начало 1970-х гг.

Санджей женился в 1974 году на Манеке Ананд, дочери отставного армейского офицера-сикха. Манеке было восемнадцать, она пробовала писать стихи и рассказы для детей. В отличие от Сони пыталась завести свои порядки. «Эти Ганди такие чопорные, а я привыкла общаться с людьми запросто!» – говорила она.

Скоро Индира стала бабушкой: Соня родила Рахула и Приянку, Манека родила Варуна-Фероза.

А какой стала сама Индира в зрелые годы? «Я иду в ногу со временем. Я чувствую современность и двигаюсь с течением событий», – говорила она о себе. Значило ли это, что Индира прагматична? Едва ли. Слишком сильно в ней профетическое начало, ощущение великой миссии, выполнение которой возложено и на нее – среди других. Кто может сказать, когда появилось у нее ощущение, что, после того как один за другим ушли проверенные жертвами и лишениями соратники по борьбе за свободу, только ею самой воспитанные сыновья способны стать выше региональных интересов, выше группового своекорыстия и мелких политических игр? Что только они способны продолжить служение Индии, которому посвятили себя три поколения ее семьи?

Сначала ее выбор падает на младшего, на Санджея, который и сам начинает проявлять интерес к политике. Благодаря своему имени и авторитету матери он, не занимая официального поста, становится крупной политической фигурой, но совершает непопулярные действия. Индира проигрывает на выборах 1977 года, и хотя на выборах в 1980 году те же избиратели, что голосовали против нее, возвращают ее к власти, она понимает, что настоящие сподвижники у нее не появились...

23 июня 1980 года Санджей разбился на самолете – тяга в небо оказалась губительной. Весть о гибели сына она встретила «с прямой спиной и сухими глазами». Запретила судебное расследование – семья не сомневается, что произошел несчастный случай. На фотографиях тех лет у Индиры жесткая складка губ, непроницаемый взгляд, от этих фотографий веет холодом и болью.

Ей нужна была опора – и она призвала на помощь Раджива. Когда-то Индиру позвал на помощь отец, и это привело к краху ее семейной жизни. Теперь Индира звала сына...

В защиту своей семейной жизни выступила Соня: «Я сражалась как тигрица: за него, за нас и наших детей, – за нашу свободу, за это элементарное человеческое право, которое мы вдвоем так старательно и неуклонно оберегали». Раджив колебался, но исход его колебаний был предрешиен. Он должен был выполнить долг перед матерью – и перед Индией, которую мать олицетво-

С сыновьями, невестками Соней (слева) и Манекой (справа) и внуками. Москва, Кремль, 1975

ряла в его глазах. Соня поняла мужа. А Индира, наверное, лучше всех оценила поступок Сони.

Как жилось ей те четыре года, которые оставались до ясного солнечного утра 31 октября 1984 года, когда, спеша на телеинтервью с Питером Устиновым, она надела выбранное Соней золотистое сари – и не надела обычный бронжилет, чтобы лучше выглядеть перед камерами? Когда-то давно Индира призналась в письме: «Ни в каком возрасте меня не тревожили мысли о смерти. Я всегда воспринимала смерть как естественный процесс. Сколько-то времени живешь, потом умираешь, когда пришло твое время».

...После операции «Голубая звезда», штурма Золотого храма в Амритсаре, где укрывались сикхские сепаратисты, Индира подробно записала распоряжения по своим похоронам. Она отдельно беседовала с внуком Рахулом, говорила, что когда пробьет час, он должен быть сильным, не плакать о ней, потому что она уже прожила свою жизнь и сделала все, что могла.

«Я убежден, бабушка знала, что погибнет в тот день, – писал Раджив сыну несколькими месяцами позднее. – Не знаю, как она узнала, но знаю, что это так. Многие ее поступки говорят о том, что она готовилась к расставанию с нами, не потому, что хотела, а потому, что жизнь принуждала ее к суровым решениям, и она приняла то решение, которое должна была принять как лидер своего народа».

Она вошла в историю

У нас ее любили. Было время, когда девочек во всех концах нашей – тогда такой огромной страны – называли Индирами. И убийство ее оплакивали у нас всенародно и горестно. Любили и потом оплакивали не премьер-министра Индии, хоть и знали, кто она, а прекрасный и гордый женский образ, который приняла эта страна в глазах миллионов.

В историю своей страны Индира Ганди вошла не только как первая женщина, возглавлявшая в течение многих лет правительство Индии. Умный и энергичный политик, она много сделала для укрепления международного авторитета государства, ставшего одним из лидеров Движения неприсоединения к военным блокам.

Волею судьбы вся ее жизнь тесно сплелась с жизнью ее страны, и не на пустом месте появился знаменитый лозунг: «Индия – это Индира, Индира – это Индия».

Индира Ганди на посту премьер-министра повела Индию тем политическим курсом, который проложил ее отец. По сравнению с другими бывшими колониями Индия вырвалась вперед

и двинулась, по формулировке Индиры, «от зависимости через независимость к осознанной взаимозависимости» в мировом сообществе.

Ее правление было отнюдь не безоблачным – расколы в партии, военные столкновения с Пакистаном, религиозно-этнические конфликты, тяжелая экономическая ситуация. В 1971 году произошла очередная индо-пакистанская война. Индира Ганди приняла нелегкое решение: Индия ввела свои войска в охваченный борьбой за независимость Восточный Пакистан, в результате чего на свет появилась Республика Бангладеш.

В годы ее правления в стране быстрыми темпами развивалась промышленность, в том числе тяжелая; была запущена первая АЭС (в штате Махараштра); в сельском хозяйстве произошла так называемая «зеленая революция», благодаря которой Индия впервые за долгие годы стала независимой от импорта продовольствия.

Индира Ганди обладала прекрасным даром для ведущего политика – умением решать неотложные вопросы, не утрачивая видения перспектив. Ю.М. Воронцов, посол СССР в Индии в 1978–1983 годах, рассказывает чрезвычайно любопытную историю, хорошо иллюстрирующую характер практичности Индиры Ганди.

Когда советские нефтеразведчики нашли в Индии «большую нефть», Индира чрезвычайно этим заинтересовалась. Она встретилась с представительной группой нефтяников, те разложили перед ней карты, таблицы с цифрами потенциальной добычи. Индира внимательнейшим образом вникала во все подробности, задавала конкретные вопросы. В заключение сказала: «Меня беспокоит вот что. На сколько хватит нефти, если ее качать в предлагаемых вами объемах? Как бы остро мы сейчас в ней ни нуждались, мы не имеем права расходовать запасы, которые обязаны оставить нашим детям и внукам». Такой подход, замечает Воронцов, был типичен для мышления Индиры Ганди, постоянно думавшей о будущем своей страны.

Индиру во многом обвиняли – в разных вещах в разные времена, но вот в позерстве ее не обвинил никто и никогда. Поэтому можно верить ее заявлению о том, что принимая важное решение, она учитывает множество факторов, но только не последствия этого решения для себя самой.

Воистину.

Она всегда рассматривала религиозные распри и особенно сепаратистские тенденции, замешанные на религиозном шовинизме, как реальную угрозу целостности своей многоплеменной, многоязыкой и многоконфессиональной страны. В восьмидесятые годы такой угрозой стал сикхский сепаратизм – требование его лидеров об от-

Улыбка Индиры. 1982

делении Пенджаба (где проживает большая часть сикхов) от Индии и создании независимого теократического государства Халистан.

Нет сомнения в том, что отдавая приказ о штурме главной святыни сикхов – Золотого храма в Амритсаре, – Индира Ганди отдавала себе и отчет в огромном риске, на который идет. И пошла на этот риск.

Дальнейшее известно. Нет никакого Халистана – есть единая Индия.

А Индиру в упор расстреляли ее охранники-сикхи, мстившие за поругание их святыни. И еще одно: когда служба безопасности потребовала, чтобы Индира удалила сикхов из своей личной охраны, она отказалась, заявив, что не считает возможным выразить таким образом недоверие всей сикхской общине. Осталась верна себе. Своим принципам, за которые сражалась до последнего.

В 1947 году, когда Индия обрела независимость, Неру, обозревая унылый экономический ландшафт страны, оставленной, наконец, колонизаторами, но рассеченной надвое, сказал знаменитую фразу о том, что Индия «едва вступила в эру велосипеда»... 2007 год знаменует шестиде-

сятилетие существования суверенной Республики Индийский Союз. Шестьдесят лет – отрезок времени, сопоставимый с человеческой жизнью. Сегодня, шестьдесят лет спустя, Индия бесспорно является одной из наиболее эффективно развивающихся стран, рост ее ВВП в течение ближайших лет, по словам премьер-министра Манмохан Сингха, должен достигнуть 10 процентов, а это один из самых высоких показателей в мире.

Можно приводить цифры и факты, свидетельствующие о рывке вперед, который сделала Индия в минувшее двадцатилетие; можно составить и весьма длинный перечень нерешенных проблем – и тех новых, что ставит перед Индией глобализация, – но страна, которой так преданно служила Индира Ганди, продолжает свой путь.

Среди тех, кто вывел Индию на этот путь, – маленькая девочка, которая так и не создалась, что боится темноты. Затем она выросла и достойно прошла по темным коридорам большой политики, потому что видела впереди свет для своей страны, ради которой принесла в жертву свою любовь, свою женскую судьбу и саму жизнь.